

На правах рукописи

Гутова Светлана Георгиевна

**СИНКРЕТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ВСЕЕДИНСТВА В ИСТОРИИ
ФИЛОСОФИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 09.00.03 – История философии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный консультант доктор философских наук, профессор
Емельянов Борис Владимирович

Официальные оппоненты:

Евлампиев Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры русской философии и культуры Института философии.

Макаров Дмитрий Игоревич, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского», г. Екатеринбург, заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин.

Марченко Олег Викторович, доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, профессор кафедры истории отечественной философии.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, г. Москва

Защита состоится «25» октября 2018 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.14 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=278504>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Доктор философских наук, профессор
Е.С. Черепанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития культуры процесс научно-философского поиска вряд ли может быть ограничен каким-либо условным содержанием или заданными границами, благодаря чему методы исследования приобрели бы свою завершенность, а знание, получаемое с их помощью — абсолютную достоверность. Несмотря на видимую стабильность и преемственность в области методологий в пределах одного исторического периода или парадигмы, всегда сохраняется тенденция к ее инновациям и преобразованиям. Одновременно наблюдается и тенденция к воспроизводству универсальных методологических принципов, которые осознанно или интуитивно направляют познавательный процесс в определенное русло. Одним из наиболее значимых принципов в этом отношении выступает методологический синкретизм. Возникновение этого феномена, его постоянное присутствие в различных формах познания и во всех периодах исторического развития философии позволяет говорить о закономерности его функционирования в культурно-интеллектуальной сфере.

В современности синкретизм может получить статус одного из основных понятий истории философии, философии культуры, методологии научного познания. Это обусловлено, прежде всего, объективными интеграционными процессами в сфере научно-философского познания, которые развиваются на фоне общей культурной глобализации. На данный момент ее основным последствием является не столько становление единой общечеловеческой системы идей, норм, принципов, что должно было бы произойти с точки зрения классической (европейской) модели мышления, а, напротив, фрагментация ранее устоявшихся мировоззренческих систем, размывание границ представлений о достоверных и недостоверных формах знания, ослабление способности к критическому восприятию информации. Это ведет к эклектическому смешению элементов научного, религиозного, художественного, обыденного сознания и производству многообразных «продуктов массового потребления», вытесняющих устоявшиеся формы культурного сознания и самосознания в пользу коммерчески или идеологически ангажированных «учений», «духовных практик» и т. п.

Особенно остро необходимость синкретической теории в прошлом осознавали философы, но и современная наука, пройдя стадию внутреннего качественного различения, связанную с дифференциацией знания, делает акцент сначала на междисциплинарных исследованиях, а затем вновь обращается к интеграции знания во всех областях науки. Вследствие этого, в современной философии отмечается повышенный интерес к синкретизму как фактору культурного развития и преобразования когнитивной системы, отмечается

повсеместный характер проявлений синкретизма, который оказывает значительное влияние на осмысление реальности как целостности во всем ее структурном, процессуальном и элементном многообразии. Этот интерес представлен и в естествознании; его примерами служат идеи методологического плюрализма в постпозитивистской философии науки и становящаяся теоретико-методологическая парадигма синергетики.

Актуальность данной проблематики раскрывается в двух аспектах. Первый аспект: необходимость анализа статуса, функций и смысловых значений синкретизма как феномена философского познания; осмысление устоявшихся, классических трактовок синкретизма в философии и науке для формирования современного его понимания с учетом приведенных выше факторов. Среди них основное значение имеет постоянное присутствие синкретизма в различных отраслях интеллектуально-культурной сферы и периодическое усиление тенденции к производству синкретических учений нового уровня.

Отсюда второй аспект: необходимость осмысления учений такого рода с позиций их системно-методологической специфики, что является одним из условий реинтеграции в сфере современного научно-философского знания. Наиболее постоянным, сквозным для историко-философского процесса феноменом является философия всеединства, представленная в различных вариантах во всех культурных эпохах и цивилизационных локациях. Именно в этой философской традиции системно-методологические, диалектические, категориальные компоненты синкретической теории представлены с наибольшей полнотой.

С эпохи античности и до XX века теоретические системы всеединства разрабатывались, как правило, наиболее выдающимися представителями философского знания своего времени (Плотин, Августин Аврелий, Николай Кузанский, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Лейбниц, Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др.). При этом основой более поздних систем являются теоретико-методологические принципы предшествующих, которые, в конечном счете, восходят к философии Единого, разработанной Платином в III в. Поэтому исследование этой линии в философской разработке идеи всеединства представляется актуальным в свете насущных проблем современности и приоритетов историко-философского познания.

Немаловажным моментом в этом отношении является то, что традиция русской метафизики всеединства конца XIX – первой половины XX вв. представляет собой важнейшую часть культурно-философского наследия России. Его осмысление, сохранение и творческое воспроизводство невозможно без выявления специфических черт этой философской традиции, ее связи,

сопряженности с мировой философской мыслью всеединства. Таким образом, исследование синкретизма в философской традиции всеединства имеет существенное научное значение для истории философии, а также для отечественного национально-культурного сознания в целом.

Степень научной разработанности темы. Исходя из предметно-проблемной специфики настоящего исследования, данная рубрика предполагает анализ научно-философских подходов к проблемам, во-первых, синкретизма и, во-вторых, философии всеединства.

Синкретизм как понятие гуманитарной науки получил распространение в ряде работ последней четверти XIX в., посвященных исследованию сознания и культуры родоплеменного общества. До этого он функционировал в качестве простого определения формы гражданского взаимодействия (Плутарх) или как концепция воссоединения религиозных конфессий (Эразм Роттердамский, Г. Каликст). Такие исследователи, как Э.Б. Тайлор, Дж.Дж. Фрэзер, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль¹ понимали синкретизм как качество слитности, недифференцированности форм мышления и деятельности на ранних этапах социокультурного развития. Усложнение производственной и хозяйственной деятельности и социальной структуры приводят к постепенной дифференциации сознания и к становлению обособленных форм культуры. В середине XX в. критику этой концепции дал К. Леви-Строс, показав сложно структурированный характер «первобытного мышления», которое является не слитным, а аналогическим. Впрочем, сами эти «анalogии» или «параллели» создают целостный комплекс мышления, в котором реальные и символические объекты не различаются². Близкую позицию по этому вопросу занимал отечественный религиовед С.А. Токарев, рассматривавший ранние формы религии в их историческом развитии именно с точки зрения последовательной дифференциации и вторичного «сращивания» уже обособившихся религиозно-культовых форм в новые образования³.

Параллельно становлению теории синкретизма в сфере этнологии и религиоведения происходила разработка этой проблематики применительно к отдельным отраслям культуры. Здесь, прежде всего, следует отметить исследования в области литературы (словесности). Исходную концепцию синкретизма выдвинул в конце XIX в. отечественный филолог А.Н. Веселовский,

¹ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Изд-во Политической литературы, 1989; Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: АСТ, 1998; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995; Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999.

² Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

³ Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Изд-во политической литературы, 1990.

выделивший первичный синкретический комплекс поэзии, пения и танца как первоисток классических жанров искусства. Его идеи были критически осмыслены, развиты и применены к различным формам художественной культуры О.М. Фрейденберг, А.А. Формозовым, Н.А. Дмитриевой, А.Ф. Еремеевым, Н.В. Григорьевым, В.Р. Кабо, М.С. Каганом и др.⁴

С близких позиций проблема синкретизма разрабатывалась применительно к сфере психологии (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже), лингвистики (А.А. Реформатский), политологии (Т.В. Беспалова)⁵. В исследованиях этих авторов сохраняется модель естественной слитности, недифференцированности мировоззрения на ранних стадиях культурно-исторического развития, подчеркивается отсутствие жесткой границы между типами мышления, выделяются закономерности их преемственности и взаимопроникновения. Относительно этого следует принять критическое замечание О.М. Фрейденберг о том, что данное понимание синкретизма (генетический синкретизм) является в большей степени идеальной теоретической моделью, поддерживающей эволюционистскую трактовку культурных процессов. Фактически же выделить некий чистый первичный синкретический комплекс невозможно, поскольку даже в самых примитивных культурах происходит дифференциация культурных практик и феноменов и, как следствие, их вторичная синкретизация (что, например, показано в работе С.А. Токарева «Ранние формы религии»). Кроме того, для различных этнокультурных регионов такой комплекс также является специфическим, что опровергает базовые концепции Э. Тайлора и Дж. Фрэзера.

Проблема синкретизма также рассматривается на предмете мифологии как одного из ярких его проявлений. Наиболее значимы в этом отношении работы Я.Э. Голосовкера, Дж. Кэмпбелла, Б. Малиновского, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, М. Элиаде⁶. Особое значение здесь имеет концепция

⁴ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989; Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Восточная литература; РАН, 1998; Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969; Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. Вып. 1. – М.: Искусство, 1985; Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура: В 2 ч. Ч. 1. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1996; Григорьев Н.В. Возникновение и развитие художественной культуры в верхнем палеолите // Художественная культура в докапиталистических формациях: структурно-типологическое исследование. – Л.: Наука, 1984. – С. 99 – 102; Кабо Р.Ф. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточная литература, 2007; Каган М.С. Морфология искусства. – Л.: Искусство, 1972. – С. 175 – 268.

⁵ Беспалова Т.В. Концепция религиозно-политического синкретизма: философско-методологический анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – Т. 7. – № 3 (35). – С. 136 – 140.

⁶ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. – М.: АСТ, 2004; Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994; Малиновский Б. Магия, наука и

воспроизводства структурно-сюжетных аспектов мифа в различных этнорелигиозных сообществах и в разные периоды исторического развития. Также подчеркивается «наложение» смысловых аспектов различных мифологических традиций и формирование обновленных мифологий, функционирующих вплоть до современности. Данные характеристики следует рассматривать как важнейшие черты синкретического мышления в целом и синкретических форм философии в частности. При этом в ряде исследований (в частности, М. Элиаде) развивается концепция вторичного синкретизма культурно-мифологических образований, рассматриваемых на основе плюралистического понимания культурных процессов. Этот момент следует отметить как более актуальную трактовку синкретизма по сравнению с линейно-эволюционной моделью. В свою очередь, А.Ф. Лосев показывает механизм синкретической контаминации мифогенных элементов в дифференциально-развитых сферах культуры на материале античной философии (прежде всего, периода позднего эллинизма).

Особый интерес представляет работа Л.А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории»⁷, в которой он рассматривает мировую историю как арену противоборства монистических и дуалистических форм религиозного мышления (в авторской интерпретации — религиозной философии). Синкретизм здесь представлен как стремление к смешению этих форм, порождающее бесплодные и отчужденные конструкции, размывающих единство социума и культуры. В этом контексте Тихомиров рассматривает такие религиозно-философские традиции как неоплатонизм, герметизм, гностицизм, манихейство, каббалистика и др. При этом автор отрицает синкретический характер христианства в его историческом и интеллектуальном развитии.

Особую группу исследований составляют работы в области методологии и истории науки. В них, как правило, отсутствует специальная разработка понятия синкретизма, но рассматриваются вопросы, связанные с взаимопроникновением научных и вненаучных форм и методов познания. К ним относятся исследования М. Полани, П. Фейрабенда, Х.П. ЛеБлана, В. Розина⁸ и др. В 1990 – 2000-х гг. в отечественной научной литературе появился ряд публикаций, в которых

религия. – М.: АСТ, 1998; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 2000; Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: «Инвест - ППП», СТ «ППП», 1996.

⁷ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М.: ФИВ, 2012.

⁸ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Наука, 1995. – 344 с.; Фейрабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ, 2007; Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008; LeBlanc III H.P. Syncretism of Qualitative and Quantitative Paradigms: The Case for Methodological Triangulation. – Southern Illinois University at Carbondale, 1995.

анализируются синкретические аспекты развития научного знания в революционные периоды его истории. Среди таких работ можно выделить исследования Л.А. Косаревой и И.Т. Касавина⁹. В более ранний период вопросы этого рода рассматривались Б.Н. Чичериным, А.Н. Уайтхедом (проблема взаимосвязи научного и религиозного сознания), а также А.Ф. Лосевым (сравнительный анализ античной мифологии и философии с парадигмальными идеями современной науки)¹⁰. На рубеже 1960-70 гг. несколько работ, напрямую связанных с разработкой проблем синкретического синтеза научного, философского и религиозного знания, были написаны видным отечественным ученым А.А. Любищевым («Наука и религия», 1968 – 1969; «Уроки истории науки», 1969).

Специфический разрез проблемы синкретизма представлен в таком направлении современной научно-философской мысли как синергетика, которая открывает новые способы составления сложного эволюционного целого из отдельных элементов, формирования саморазвивающихся сложных систем из простых. Разработка этих идей наиболее полно представлена в трудах Е.Н. Князевой, И. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена, С.П. Курдюмова, К. Майнцера, А. Огурцова, С.Н. Неретиной и др.¹¹ В работах этих авторов синергетическое мышление выступает как становящаяся современная форма синкретизма различных сфер культуры (наука, философия, искусство, религия) и методологических парадигм.

В течение последних десятилетий проблемы синкретизма в сфере историко-философской науки представлены в работах А.Э. Абдулаевой, Л.А. Микешиной, И.И. Евлампиева и др.¹² Первые два автора рассматривают синкретизм как один

⁹ Касавин И.Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум: Многообразие вненаучного знания. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С. 5 – 30; Косарева Л.М. Рождение науки Нового Времени из духа культуры. – М.: РАН, 1997; Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII –XIX веков. – М.: Канон+, 1999.

¹⁰ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль; Российский открытый университет, 1993. – С. 16 – 612; Уайтхед А.Н. Символизм: его смысл и воздействие. – Томск: Водолей, 1999; Уайтхед А.Н. Приключения идей. – М.: ИФРАН, 2009; Чичерин Б.Н. Наука и религия. – М.: Республика, 1999.

¹¹ Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир // В поисках нового мировоззрения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи. – М.: Терра, 1991; Курдюмов С.П., Капица С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М, 2003; Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. – 1997. – №3. – С.48 – 62; Неретина С., Огурцов А. Время культуры. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2000; Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.:, 2003; Хакен Г. Синергетика. – М.: Наука, 1980.

¹² Абдулаева Э.С. Синкретизм духовной культуры: взаимосвязь общего и особенного. Автореф. ... дис. канд. филос. наук. – Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2007; Архангельская А.С. Будущее за синкретизмом? (К вопросу о стиле мышления) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 24. – 2011. – № 2-

из постоянных компонентов культуры, обосновывая его системосозидающую функцию в духовной культуре в целом и в сфере собственно философии. Особый интерес представляет анализ трансформации восприятия и оценки синкретической мысли в истории философии, представленный в работе Л.А. Микешиной. Разделяя в целом основные положения этого анализа, отметим, что в ее концепции не проводится четкое различие эклектизма и синкретизма, несмотря на очевидно значительное расхождение их значения для конструирования теоретических систем. И.И. Евлампиев рассматривает проблематику синкретизма в опыте целостного осмысления истории отечественной метафизики сквозь призму доминанты идеи целостности. В работе «История русской метафизики XIX – XX веков» им раскрывается предрасположенность ряда течений отечественной философии к синкретическому творчеству. Однако можно отметить, что основной акцент ставится на анализ идейно-смысловых интуиций онтологического, гносеологического и антропологического рода, а специфика синкретизма как методологической основы разработки учений остается на втором плане.

В целом оценивая содержание исследований последних десятилетий, посвященных разработке проблематики синкретизма, можно отметить смещение теоретического акцента с критики синкретических идей к осмыслению этого феномена как конструктивного компонента интеллектуальной сферы. Тем не менее, выявление многообразия форм производства и воспроизводства синкретизма в философии в двух его разновидностях — как соединения элементов различных культурных парадигм и как системно-методологического принципа — по-прежнему представляется актуальной для историко-философской науки.

Историко-философская литература, посвященная философии всеединства настолько обширна и разнообразна, что представить даже относительно краткий ее обзор не представляется возможным. Тем не менее, вполне выполнимой задачей является указание на предметно-проблемную специфику,

1 (63). – С. 3 – 11; Архипова Ю.В. Синкретизм в структуре культуры: Автореф. дис. канд. филос. наук. – Саратовский государственный университет. – Саратов, 2005; Бандеров И.И., Бик-Булатов А.Ш. Концепция духовного синкретизма // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Т. 156. кн. 6. – С. 37 – 56; Евлампиев И.И. Идея целостности человека // Антропологический синтез: Сборник. – СПб., 2001. – с. 307 – 349; Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX – XX веках: Русская философия в поисках Абсолюта: В 2 т.; Микешина Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки. Т. 38. – 2013. – №. 4. – С. 27 – 43; Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.: Канон+, 2009; Ольховой А.Ф. Концептуальные кризисы синкретизма // Вестник Таганрогского гос. пед. института. – 2008. – №2. – С. 45 – 52.

принципиальную направленность и историко-хронологическую привязку основных исследований этого философского поля (на выборочных примерах). Прежде всего, следует выделить три наиболее характерных разновидности исследований:

- специализированные историко-философские исследования, предметом которых являются исторически фиксируемые школы или традиции философии всеединства и учения конкретных ее представителей¹³;

- теоретические работы в сфере различных отраслей философского знания, в которых само пространство истории философии рассматривается сквозь призму идей всеединства;

- теоретические и полемические работы, в которых обосновывается та или иная модель «неовсеединства», «возрожденного всеединства» и т.д.

В качестве примеров исследований первого рода приведем работы А.Ф. Лосева, В.Н. Акулинина, П.П. Гайденко, П. Адо, Дж. Риста, С.Б. Рощинского, Дж. Саттона¹⁴.

В работах А.Ф. Лосева представлены различные эпохи в философской разработке всеединства: позднеантичный неоплатонизм и гностицизм

¹³ Емельянов Б.В. История русской философии: Избранное. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2015; Емельянов Б.В. Русская философия как человековедение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.; Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б. Русская философия: история - проблемы - персоналии. – Екатеринбург, 2016; Шапошников, Л. Е. Русская религиозная философия XIX-XX в. – Нижн. Новгород, 1992; Ионайтис, О.Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии. – Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, –2003; Семаева И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века. – М.: Логос, 1991; История русской философии. Под общ. ред. проф. А. Ф. Замалеева. – СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. – 354 с. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. и другие известные исследования в области русской философии.

¹⁴ Адо П. Плотин, или Простота взгляда. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991; Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1990; Гайденко П.П. «Мистический рационализм» и проблема сверхразумного начала // Критика немарксистских концепций диалектики XX века. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 49 – 110; Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М.: Прогресс – Традиция, 2001; Гайденко П.П. Гностические мотивы в учениях Шеллинга и Вл. Соловьева // Знание. Понимание. Умение. – 2005 – №2. – С. 202 – 208; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 т. – М.: Искусство, 1992; Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М.: ЧеРо, 1998; Лосев А.Ф. Неоплатонизм, изложенный ясно как солнце // Контекст – 2003. Литературно-теоретические исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 269 – 288; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / изд-е 2, испр. – М.: Молодая гвардия, 2009; Лосев А.Ф. Диалектика числа у Плотина // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 713 – 839; Рист Дж.М. Плотин: путь к реальности. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005; Рощинский С.Б. Владимир Соловьев и западная мысль: критика, примирение, синтез. – Элиста: АПП «Джангар», 1999; Саттон Дж. Религиозная философия Владимира Соловьева. На пути к переосмыслению. – Киев: Дух и Литера, 2008.

(«Диалектика числа у Плотина», «История античной эстетики. Поздний эллинизм», «История античной эстетики. Последние века», «Неоплатонизм, изложенный ясно как солнце»), синкретическая философия Возрождения («Эстетика Возрождения») и русская философия всеединства в лице Вл. С. Соловьева («Владимир Соловьев и его время»). При этом в его трудах неоплатонизм и метафизика всеединства рассматриваются в контексте идейно-теоретических параллелей с творчеством Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга или влияния их идей на становление новых вариантов философии всеединства. В ряде случаев также проанализировано соотношение указанных традиций с идеями современной западной и отечественной философии (Э. Гуссерль, А. Бергсон, Э. Гартман, П.А. Флоренский и др.).

В.Н. Акулинин одним из первых в современной российской историко-философской традиции предпринял опыт осмысления отечественной философии всеединства как целостной традиции. В его работе основное внимание уделяется софиологическому варианту философии всеединства в России с акцентом на социально-политические аспекты; как следствие, анализ взаимоотношений с мировой традицией всеединства представлен относительно слабо. Можно провести своего рода функциональную параллель между данной работой и ранними российскими исследованиями философии Плотина (М.И. Владиславлев, 1868; П.П. Блонский, 1918). Она заключается в том, что эти работы были призваны, прежде всего, восполнить существенный недостаток оригинальных текстов как философов-неоплатоников, так и русских мыслителей всеединства; поэтому системное изложение их взглядов здесь превалирует над собственно аналитическим исследованием.

П.П. Гайденко в своем исследовании философии всеединства Вл. Соловьева отталкивалась от методологического подхода, реализованного на предмете мистического рационализма и органической диалектики, но позднее расширила круг научного интереса, выпустив несколько работ в начале XXI в., в которых философия Соловьева предстает в многообразном контексте связей с предшествующей, современной и наследующей ему традициями всеединства. Аналогичный подход развивается в работе С.Б. Роцинского «Владимир Соловьев и западная мысль» (1999). Представленные исследования философии всеединства, несомненно, являются значимыми для данной работы, однако здесь необходимо обозначить принципиально иной подход, имеющий в качестве основания (в контексте направленности работы) более широкий интеллектуально-исторический контекст философии всеединства. Речь идет о концентрации исследовательского интереса на проблемах философии Соловьева, в связи с чем общее философско-методологическое движение всеединства рассматривается не в

собственном значении, а в последовательности «предшества – влияния – последствий» идей этого выдающегося мыслителя.

Методологические аспекты философии всеединства, в свою очередь, были достаточно многосторонне исследованы Я.В. Бондаревой в ряде работ недавнего времени¹⁵. Хотя в названии работ отражена русская религиозная философия в целом, основной акцент делается именно на традиции всеединства, рассмотренной в динамическом процессе от методологически обоснованного системосозидания к конкретно-антропологической интуиции всеединства. Но и здесь данная проблематика раскрывается на предмете преимущественно отечественной ветви этого философского движения.

Работы П. Адо и Дж. Риста дают полноценный историко-философский анализ философии Плотина и, как следствие, освещают последующую историю всеединства только в этом разрезе. С этой точки зрения большой интерес представляет исследование Дж. Саттона, в котором проводится сравнительный анализ и сближение философии Соловьева с идеями восточной религиозной философии (несмотря на достаточно критическое отношение к ним русского мыслителя). При этом автор зачастую переоценивает степень достоверного влияния идей индуизма, буддизма, даосизма и ислама на творчество основателя русской школы всеединства.

Вторая категория исследований по данной проблематике восходит к классическому труду Гегеля «Лекции по истории философии», где история мировой философии рассматривается как осмысление одной идеи — идеи самораскрытия Абсолюта. Свое развитие эта линия в исследовании всеединства получила в русской философии конца XIX – первой половины XX вв. в трудах Вл.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского¹⁶, а также в

¹⁵ Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2017. – № 1. – С. 75 – 82; Бондарева Я.В. Генезис методологических основ русской религиозной философии. – М.: Изд-во МГОУ, 2011; Бондарева Я.В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. – М.: Изд-во МГОУ, 2011; Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма: в поисках онтологической целостности // Философия образования. – 2010. – № 2. – 2010. – С. 117 – 125.

¹⁶ Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Лосский Н.О. Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 338 – 483; Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Там же. – С. 151 – 166; Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995; Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 581 – 756; Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Там же. Т. 1. – С. 139 – 288; Соловьев В.С. Об упадке средневекового миросозерцания // Там же. Т. 1. – С. 339 – 350; Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – С. 483 – 593; Трубецкой С.Н. Основания идеализма // Там же. – С. 594 – 717; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – М.: Институт Русской цивилизации, 2009.

современной отечественной истории философии, примером чего могут служить работы И.И. Евлампиева, А.С. Гагарина, О.В. Марченко, В.В. Сербиненко и др.¹⁷

¹⁸, а также в современной отечественной истории философии, примером чего может служить представленная выше работа И.И. Евлампиева¹⁹. Особенностью данного рода литературы является включенность аналитики философии всеединства в систему собственных воззрений авторов. Как следствие, представление и оценка тех или иных проявлений философии всеединства сопряжено как с теоретическими, так и с религиозно-культурными установками, что выражается в определенном роде субъективности. Это ярко проявляется, например, в сравнительно критичном отношении В. Соловьева к аутентичному неоплатонизму и, напротив, в повышенном интересе к гностицизму.

К третьему роду исследований в сфере философии всеединства можно отнести работы С.С. Хоружего и В.И. Моисеева²⁰ (и некоторых других авторов), которые выделены нами в силу смысловой близости творческого поиска и, одновременно, разнонаправленности в представлении перспектив возрождения философии всеединства в контексте современной культуры. В многочисленных работах и выступлениях С.С. Хоружего обосновывается перспектива возрождения философии всеединства на основе синтеза ее вековых теоретических традиций, нашедших свое завершение в русской метафизике всеединства, с комплексом методологических идей синергетики и духовно-практических навыков православного исихазма. Тем самым в той или иной степени оправданным оказывается отнесение идей этого автора к категории «православного

¹⁷ Гагарин А.С. «Homo interior» Августина Аврелия (Блаженного) // Дискурс-Пи. Выпуск 6: Дискурс современных мифологий. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006., Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. В 2-х частях. – СПб., 2000., Сербиненко В.В., Соловьев. – М.: НИМФ, 2000., Марченко О.В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX веков: исследования и материалы. – М.: Ч. 1. – 2007., Сербиненко В.В. Русская философия: Курс лекций. – Москва, 2005.

¹⁸ Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Лосский Н.О. Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 338 – 483; Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Там же. – С. 151 – 166; Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995; Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 581 – 756; Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Там же. Т. 1. – С. 139 – 288; Соловьев В.С. Об упадке средневекового миросозерцания // Там же. Т. 1. – С. 339 – 350; Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – С. 483 – 593; Трубецкой С.Н. Основания идеализма // Там же. – С. 594 – 717; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – М.: Институт Русской цивилизации, 2009.

¹⁹ Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. В 2-х частях. – СПб., 2000. – Часть I – 416 с.; Часть II – 414 с.

²⁰ Моисеев В.И. Логика всеединства. – М.: Изд-во «ПЕР СЭ», 2002; Моисеев В.И. Проективно-модальная онтология и некоторые ее приложения // Логические исследования. Выпуск 11. – М.: Наука, 2004. – С.215 – 227; Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб., 1994; Хоружий, С.С. Опыты из русской духовной традиции. – М.: Парад, 2005.

постмодернизма». В.И. Моисеев выступает за более чистый вариант модернизации философии всеединства на основе систематизации ее теоретического опыта в контексте положений модальной и аксиоматической логики и доминирующего принципа неопределенности (который здесь синонимизируется с открытостью системы). Представляется, что в этом варианте не столько обновляется теоретико-методологическая парадигма всеединства, сколько восстанавливается характерный «математический платонизм» как разновидность «одностороннего идеализма» (С.Н. Трубецкой). Тем не менее, следует согласиться с тезисом данных исследователей о завершенности развития философии всеединства в ее наиболее исторически полной версии, т.е. религиозно-философских систем, основанных на неоплатоновской онтологии Единого и принципе мистического рационализма.

Остались в стороне фундаментальные историко-философские исследования В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Н.И. Полторацкого, поскольку в них анализ русской философии всеединства не является центральным моментом, хотя сами эти труды сохраняют свою актуальность и как важнейший источник сведений по этой проблематике, так и в качестве выражения оригинальных философских воззрений сквозь призму исторического видения.

В целом краткий анализ историко-философской литературы показывает, что на данный момент задача систематического исследования философии всеединства в контексте исторической трансформации ее синкретических систем остается нерешенной и является перспективным направлением историко-философского исследования.

Цель и основные задачи исследования.

Целью настоящей работы является историко-философский анализ синкретизма как методологического принципа философских систем всеединства.

Эта цель реализуется посредством выделения и последовательного решения следующих задач:

1. Выявление статуса, функций и комплекса значений понятия «синкретизм» в научно-философском знании; формирование современного понимания этого феномена с учетом его значения в актуальных культурно-интеллектуальных процессах.
2. Анализ синкретизма как метода построения интегральной теоретической системы на основе интер-парадигмального синтеза;
3. Обоснование центральной роли философии всеединства в истории синкретических философских систем.

4. Выявление и анализ основных теоретико-методологических идей позднеантичного неоплатонизма как базисной модели философии всеединства, основанной на мистическом рационализме как системообразующем принципе.

5. Анализ специфики синкретического синтеза неоплатоновской философии и христианского вероучения в рамках раннехристианской, а также восточной и западной ветвей христианства в эпоху Средневековья и Возрождения.

6. Исследование и обоснование синкретического характера универсалистских систем классического идеализма (Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель) с точки зрения неоплатоновских корней их учений и их мистико-рационалистического характера.

7. Исследование культурно-исторических и специально философских истоков синкретизма в отечественной философии всеединства конца XIX – первой половины XX вв.

8. Выявление и анализ взаимосвязи софиологических концепций всеединства в отечественной философии с мировой традицией всеединства.

9. Исследование специфики философской разработки проблемы личности в отечественной философии всеединства.

Гипотеза исследования. В качестве рабочей гипотезы мы в настоящем исследовании рассматриваем тезис о сквозном присутствии синкретической философии всеединства в истории философии. В каждой культурной эпохе она приобретает формы, соответствующие доминантам мировоззрения данного времени, но сохраняет фундаментальные онтологические, гносеологические и антропологические интуиции. Исторически последней формой такой философии, основанной на неоплатоновских идеях, была русская метафизика всеединства, идущая от Вл.С. Соловьева.

Объектом исследования является философия всеединства в историко-философском развитии.

Предметом исследования является синкретизм в философских системах всеединства, основанных на теоретико-методологических принципах неоплатонизма, в античной, средневековой, классической европейской и отечественной философии.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности ВАК Минобразования РФ по специальности 09.00.03 – история философии.

Соответствие паспорту специальности 09.00.03 – история философии: п. 1. *содержанию специальности* – исследование проблем генезиса, развития и современного состояния философского знания как постоянной составляющей в эволюции духовной культуры человечества; п. 2. *приоритетному*

исследовательскому направлению историко-философской специализации – своеобразие русской философии и ее место в мировом историко-философском процессе; п. 3. области исследований: 3.1. Методологический аспект – способы и приемы историко-философского исследования; сравнительный анализ разнородных философских систем и убеждений как пролегомена к диалогу и взаимопониманию философских культур. 3.2. Предметный аспект – базовые антиномии западноевропейской мысли: мистицизм – рационализм, натурализм – спиритуализм; языческие и христианские составляющие в философской традиции Запада; место русской философии между парадигмальным различием философии Востока и Запада.

Научная новизна исследования заключается в постановке и решении ряда задач, имеющих существенное значение для истории философии.

1. Философия всеединства рассмотрена с точки зрения синкретизма как методологического принципа построения философских систем на протяжении всей ее истории.

2. Выявлены статус и комплекс значений синкретизма в научно-философском знании; определены основные функции синкретизма и принципы синкретического мировоззрения; представлено современное понимание синкретизма в контексте актуальных культурно-интеллектуальных процессов.

3. Обосновано воспроизводство теоретико-методологических принципов систем, основанных на идеях позднеантичного неоплатонизма и их специфические трансформации в различных культурно-исторических контекстах — Средневековье, эпоха Возрождения, классическая европейская культура, отечественная культура конца XIX – первой половины XX вв.

4. Показан фундаментальный характер мистического рационализма как способа системосозидания и теоретического раскрытия онтологических, гносеологических, антропологических и персонологических аспектов интуиции всеединства в истории мировой и отечественной философии.

5. Определена специфика исторической трансформации в соотношении системно-логических и смысловых характеристик философии всеединства как периодическое смещение теоретических доминант от универсализма к персонализму на материале средневековой, новоевропейской и отечественной философии.

6. Рассмотрены перспективные идеи всеединства для методологической интеграции философских, научных и религиозных форм познания на основе принципа мистического рационализма.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методология исследования основывается на различных историко-философских методах с учетом принципов исторической и логической непротиворечивости, фактической обоснованности и системного анализа исследуемых предметов.

Диахронический анализ применяется для исследования эволюции философских систем всеединства в культурно-историческом процессе.

Синхронический анализ применяется для выявления инвариантных теоретических структур и методологических принципов в учениях, относящихся к различным историческим эпохам и культурным целостностям, включая конфессиональные сообщества.

Компаративный анализ применяется в исследовании для выявления общих и специфических черт различных форм синкретического мышления в их отраслевой (религиозные, оккультные, философские, теологические) и исторической определенности.

Системно-методологический анализ является основным методом исследования, поскольку позволяет проследить преемственность и трансформацию философских учений всеединства по двум параметрам: степень системно-теоретического раскрытия интуиции всеединства в рамках теоретической системы и соотношение мистико-интуитивных и рационально-логических методов познания в процессе построения синкретической теории.

Положения, выносимые на защиту:

1. Синкретизм как философский концепт по настоящее время не имеет отчетливого статуса в научно-философской литературе. В античной культуре понятие синкретизма не выступало как специальный термин, а в период Реформации приобрело теологическое значение. Во второй половине XIX в. сформировался концепт синкретизма в двух основных значениях: 1) исходное недифференцированное состояние сознания, деятельности, культуры (генетический синкретизм); 2) произвольное соединение разнородных идей, воззрений, учений при игнорировании необходимости их смысловой и логической сопряженности. В историко-философском плане синкретизм во втором значении рассматривался как разновидность эклектизма. При этом анализ их роли в формировании теоретических систем позволяет не только разграничить, но и противопоставить эти понятия.

2. Актуальные потребности современной культуры, науки, философии требуют признать синкретизм как сквозной феномен интеллектуально-культурного творчества, который представляет собой принцип органического синтеза различных культурных элементов на основе их исходного родства. Синкретизм выполняет в отношении культуры в целом культурно-генеративную и

культурно-генетическую функции; по отношению к теоретическим формам — деконструктивно-фальсификационную и системно-синкретическую. Основные принципы синкретической философии: 1) ориентация на достижение органичного синтеза культурных феноменов, различающихся между собой по парадигмальным основаниям; 2) наличие высшего идеала цельности, полноты духовного и духовно-практического освоения реальности; 3) убежденность в достижимости целостной истины; 4) соответствие доминирующим формам мировоззрения своего времени. В истории философии синкретизм проявляется, прежде всего, в религиозно-философских учениях мистико-рационалистического рода.

3. Основания и принципы построения синкретических философских систем наиболее полно реализуются в философской традиции всеединства. Во всей истории философии от поздней античности до первой половины XX в. прослеживается существенное влияние неоплатонизма, теоретико-методологические принципы и системные формы выражения которого являются базисом для построения систем всеединства. Такие системы представлены во всех ключевых периодах развития мировой и отечественной философии: античность, средневековье, эпоха Возрождения, классическая философия XIX – XX вв., русская философия конца XIX – первой половины XX вв. Развитие синкретических философских систем всеединства происходит на основе расширения предметно-проблемного поля и внедрения новых понятийно-методологических конструктов при воспроизводстве онтологической схематики и мистико-рационалистической стратегии познания.

4. Исходной моделью такой философии является античный неоплатонизм, в котором заложены и развернуты основные принципы метафизики всеединства:

- в онтологии: учение о самораскрытии сверхсущего первоначала (Единого) в нисходящей последовательности уровней бытия при одновременном сохранении независимости Единого от его производных и в то же время его сопричастности в каждой частице производного бытия;

- в гносеологии: концепция когнитивного восхождения от чувственного познания к высшему мистико-экстатическому созерцанию Первоначала, постижение которого достижимо лишь при сочетании катафатического и апофатического методов (цельное знание);

- в антропологии: представление о тождестве начал человеческого бытия и оснований мироздания (Единое – Ум – Душа), которое обеспечивает возможность восстановления первоначального всеединства;

- в этической сфере: идея субстанциальной нераздельности гносеологической и этической сфер — процесс познания неотделим от процесса личностного самосовершенствования, равно как и не возможен без него.

- в сфере методологии: сочетание интуитивного восприятия реальности как единого целого (мистический аспект) с логически выстроенной иерархией категорий (рациональный аспект) как основа построения философско-теоретической системы, представляющей форму цельного знания.

5. Христианская религиозная философия исторически формировалась посредством привлечения идей неоплатоновской философии всеединства в качестве категориально-логических форм, адаптированных для выражения специфических идей вероучения. При этом собственно христианские интуиции всеединства — христологические, экклезиологические, историософские — внесли принципиально новые смысловые аспекты в раскрытие данной идеи. Невозможность их адекватного выражения в рамках готовых рефлексивно-теоретических форм неоплатонизма предопределила колебания религиозно-философской мысли Средневековья между универсальной онтологической схематикой и личностным мистическим опытом.

6. В классической философии идея всеединства получила наиболее полное выражение в универсалистских системах рационализма (Лейбниц, Шеллинг, Гегель). В них на новом уровне и в рамках доминирующих идей своего времени реализуются те же принципиальные идеи, что и в неоплатонизме античности и средневековья. Существенные отличия таковы: во-первых, формирование строгого категориально-логического аппарата и жестко структурированных систем; во-вторых, утверждение презумпции рационального познания; в-третьих, представление о человеке как о субъекте всемирно-исторического процесса. Однако, «снятие» науко- и социоцентрической ориентации этих систем позволяет выявить их смысловую идентичность синкретической философии всеединства неоплатоновского типа.

7. Отечественная философия всеединства конца XIX – первой половины XX вв. представляет собой на данный момент последнюю модификацию системно-теоретического выражения интуиции всеединства, восходящую к идеям неоплатонизма. Она вырастает из трех источников:

- опосредованное влияние аутентичного неоплатонизма через религиозно-философские учения восточного христианства (каппадокийские Отцы, «Ареопагитики», паламизм);

- опосредованное влияние внехристианских форм синкретизма (гностицизм, герметизм, каббалистика) периода поздней античности через их интерпретацию в идеях мыслителей Средневековья, Возрождения и Нового Времени;

- прямое влияние синкретических идей и учений новоевропейского образца, как классических (Г.В. Лейбниц, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель), так и «маргинальных» (Я. Беме, Ф. фон Баадер, Э. Сведенборг);

8. Исходная форма становления и развития отечественной философии всеединства представлена его софиологической моделью (Вл.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский), в которой достигаются пределы системно-рационального выражения мистической интуиции всеединства.

9. Последним шагом в интеллектуальном движении к постижению Единого на основе неоплатоновской философской систематики стала персонологическая модель философии всеединства (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, Н.О. Лосский), в которой на основе синергического осмысления структуры бытия универсума, социума, духовно-культурной сферы и личности интуиция всеединства была раскрыта как конкретно живое и динамическое становление.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Теоретическая значимость основных положений диссертации представлена результатами, полученными автором в процессе историко-философского исследования, существенно дополняющими теоретические и методологические представления по следующим направлениям диссертационной работы: сравнительный анализ историко-философских систем; выявление общих методологических принципов построения синкретических теорий.

Методологические принципы настоящего исследования могут успешно применяться при анализе историко-философских концепций, ориентированных на универсальность и методологический синкретизм. В диссертации получены выводы, позволяющие реконструировать основу метафизики всеединства в виде фундаментальных философских принципов построения синкретической теории на основе сочетания разных методологических стратегий, в частности, мистико-интуитивных и рационально-логических. В том числе сделан вывод о теоретической релевантности синкретического подхода к формированию философских систем; вывод о сквозном присутствии синкретизма в истории философской мысли; вывод о наиболее полной реализации принципов методологического синкретизма в философии всеединства неоплатоновского образца; вывод о специфике теоретических колебаний между универсально-онтологическими и персонологическими аспектами всеединства в христианской философии; вывод о включенности отечественной философии всеединства в мировую традицию неоплатонизма и о завершении основной линии развития этой модели всеединства в софиологических и персонологических концепциях русской философии всеединства.

Тем самым диссертационное исследование существенно расширяет проблемное поле историко-философских исследований, охватывая развитие философской мысли от истоков до современности. Результаты проведенного исследования и материалы, систематизированные в определенной последовательности, могут быть использованы при разработке курсов дисциплин по истории философии, онтологии и теории познания, философской антропологии. Материалы диссертации могут найти применение в решении проблем общемировоззренческого и методологического плана.

Степень достоверности и апробация диссертации. Достоверность диссертационного исследования основана на использовании принятой в истории философии системы методов, а также на логически обоснованной аргументации основных положений диссертации. Достоверность результатов проведенного исследования достигается благодаря аргументированным и развернутым решениям основных задач исследования, поставленных диссертантом, осуществляемым с опорой на первоисточники и комментаторскую литературу.

Апробация диссертации была произведена при чтении авторских спецкурсов «История русской философии», «Антропологические идеи в отечественной философии», «Русская религиозная философия», «Философия Древнего мира», «Феномен человека в истории философии», «Средневековая культура и философия» аспирантам, обучающимся по специализации (профилю) «История философии», «Философская антропология и философия культуры» Нижневартковского государственного университета.

Основные положения диссертационного исследования были представлены на следующих научных конференциях различного уровня: «XXI век: Будущее России в философском измерении»: Второй Российский философский конгресс, (Екатеринбург, 1999); «Мировоззрение и культура»: Всероссийская научная конференция (Екатеринбург, 2001); «Человек в философско-правовом измерении»: региональная научно-теоретическая конференция (Екатеринбург 2001); «Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва»: Международная конференция (Санкт-Петербург, 2003); «Философия и будущее цивилизации»: IV Российский философский конгресс (Москва, 2005); «Человек в современных философских концепциях»: VI Международная научная конференция (Волгоград, 2007); «Жизнь в измерениях Абсолюта как проблема философии и культуры русского серебряного века». Международная научная конференция (Дрогобыч. 2010); «Россия и Европа: связь культуры и экономики»: Международная научная конференция (Прага, 2011); «10th ESA conference social relations in turbulent times»: Международная научная конференция (Moscow-Geneva, 2011 г.); «Социология, политология, философия и история: тенденции

развития в современном мире». Международная научная конференция (Новосибирск, 2012); «Социальное призвание русской философии». Соловьевский семинар (конференция): Международная научная конференция (Иваново ИГЭУ 2014); «Международный научный мост Восток — Запад: современные тенденции науки и практики», Международная научно-практическая онлайн конференция (Лондон, 2015); «Философия и ее роль в современном обществе»: I Международная научная конференция (Новосибирск. 2016); «International Research Conference on Economics, Arts and Sciences» (Sweden, Uppsala, 2017).

Публикации. Наиболее значимые идеи диссертационной работы отражены в 61 публикациях, из которых 16 статей по теме диссертации опубликованы в реферируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Ключевые положения и методологическая база представлены в монографии «Владимир Соловьев: синкретизм философии всеединства», в 5 главах коллективных монографий.

Структура диссертации определяется общей концепцией, целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, 3 глав, 10 параграфов, заключения и списка литературы, включающего 336 наименований, всего 345 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень разработанности темы в отечественной и зарубежной литературе, определяются цель и задачи, раскрываются методологические принципы исследования, описываются методология и методы, научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость и степень достоверности и апробация исследования.

В первой главе «Основания синкретического мышления в философии» разрабатывается методологическая основа исследования и дается этимологический, историко-философский и компаративный анализ основных понятий и концептов. Глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Синкретизм как философский концепт» раскрывается понятие синкретизма и дан анализ многообразия его проявлений как на уровне теоретических дефиниций и общих оценок, так и на уровне функционирования в истории научно-философской мысли. Показано, что в своем «аутентичном» значении (Плутарх) понятие синкретизма не использовалось в качестве философского концепта, но приобрело определенную актуальность в период Реформации XVI – XVII вв. Тогда под «синкретизмом» понимали возможность органичного синтеза принципов античной культуры и христианского вероучения (Эразм Роттердамский), либо возможность

примирения различных христианских конфессий под эгидой общих нравственных принципов (Г. Каликст).

Во второй половине XIX в. в гуманитарных науках (филология, этнология, религиоведение, искусствоведение, психология) формируется концепция «генетического синкретизма» как первичного недифференцированного комплекса мышления, культурно-символической и практической деятельности. В свою очередь, в философии закрепляется концепция синкретизма как произвольного смешения разнородных идейно-культурных элементов без должного системно-методологического оформления. Это негативное представление о синкретических философских учениях (преимущественно религиозно-философского типа) вырастает на почве традиции построения монистических философских систем в новоевропейской философии. Тем не менее, синкретизм проявляется не только в разнообразных религиозных учениях, но и в философии классического образца. Это можно проследить на двух уровнях: во-первых, соединение элементов различных культурных парадигм (например, включенность типичных компонентов индо-буддистских религиозных традиций в эллинистические религиозно-философские учения); во-вторых, сочетание различных методологических принципов в рамках одной теоретической системы. Это многообразие прослеживается в исторической трансформации основных форм синкретизма и в изменении оценок этого феномена под воздействием идеологических, религиозных и иных факторов.

Во втором параграфе «Основные принципы синкретического философского мировоззрения» синкретизм рассматривается как форма мировоззрения, присутствующая не только в различных исторических эпохах и культурно-исторических общностях, но и в различных сферах культурно-познавательной деятельности.

Выделяется основная тенденция современности, связанная с восстановлением универсальных методологических установок, характерным проявлением которой выступает методологический синкретизм. Следовательно, вполне уместно прогнозировать ситуацию, раскрывающую некоторые особенности данной методологии. Синкретические движения в культуре имеют двоякую направленность: во-первых, на уже накопленный культурно-интеллектуальный опыт, указывая на неполноту и несостоятельность его различных отраслей и проявлений, взятых самих по себе; во-вторых, на конструирование новой синтетической обобщенной модели мировоззрения, сообразной доминантным образцам предшествующего культурного опыта. При этом такая модель по необходимости выходит за пределы исходного образца в тех его определениях, в каких он существовал в контексте предшествующего опыта.

Современные исследования в области истории науки показывают, что становление и развитие европейской науки происходило под знаком синкретизма; такие культурные формы как философия, теология, оккультно-эзотерическая мысль, конфессиональный и неконфессиональный мистицизм играли в этом процессе значительную роль.

Синкретизм, создающий и поддерживающий системность учения такого рода, есть, по необходимости, методологический синкретизм. Не в том смысле, что синкретическому слиянию подвергаются некоторые отдельно взятые методологии (точнее, это только частный момент в общесистемном дискурсе), а в смысле его собственной методологичности. Или даже мета-методологичности, коль скоро синкретическая система данного рода стремится к соединению не просто отдельных элементов других интеллектуальных систем, а к синтезу парадигмального уровня. И, разумеется, методологический синкретизм представлен в такой системе на всех ее уровнях, во всех подсистемах.

Здесь и далее философские учения такого рода определяются как синкретическая философия всеединства.

Синкретизм есть один из постоянно присутствующих в истории человеческой мысли методов созидания учения на основании соединения разнородных начал. По своей природе синкретическая мысль ближе всего ассоциируется с религиозно-философской сферой. Оценка синкретических идей и учений в истории философии представлена широким спектром значений — от утверждения «бесплодности», «некритичности» и «бессистемности» (В.Ф. Эрн, Л.А. Тихомиров) до признания в качестве метода органического культуровторческого синтеза (П.П. Гайденок, Л.А. Микешина).

Синкретические тенденции актуализируются в кризисные, переломные эпохи культурного развития. Синкретические формы мировоззрения являются переходными формами культуры. Синкретизму присущи следующие функции:

По отношению к культуре в целом: культурно-генерирующая функция — как фактор порождения новых смыслов и контекстов уже существовавших идей, учений, традиций; культурно-генетическая функция — как форма накопления, систематизации и трансляции культурного опыта.

По отношению к теоретическим формам знания: деконструктивно-фальсификационная функция — выявление ограниченности и искусственности отдельных форм познания, их зависимости от определенного комплекса социокультурных факторов; системно-синкретическая функция — конструктивное преодоление содержательной, методологической и идеологической односторонности теоретических конструкторов.

К основным принципам синкретического философского мировоззрения относятся:

- Синкретическая философия ориентирована на достижение органичного синтеза разнородных культурных феноменов, связанных определенным культурно-генетическим родством, но различающихся между собой по парадигмальным основаниям.

- Синкретическое творчество мысли предполагает наличие высшего идеала цельности, полноты духовного и духовно-практического освоения реальности;

- Конструирование синкретических учений и систем предполагает убежденность в достижимости целостной истины;

- Синкретическое творчество принимает форму, соотносящуюся с доминирующими формами мировоззрения своего времени.

В третьем параграфе «Синкретическая философия всеединства: сущность и исторические формы» рассматривается философия всеединства как оптимальное воплощение основных принципов и функций философского синкретизма. Она представлена в тех вариантах, в которых развивалась с эпохи поздней античности до наших дней:

- позднеантичный (языческий) неоплатонизм как первое систематическое выражение идеи всеединства в собственно философском виде;

- неоплатонизм Отцов Церкви, представляющий собой адаптацию неоплатоновских идей к христианскому вероучению;

- ренессансный неоплатонизм, оказавший (наряду с герметизмом и другими «маргинальными» учениями) существенное влияние на становление рационалистического научно-философского мировоззрения Нового времени;

- опыт конструирования универсальных философских систем (Гегель и др.), основанных на принципах преодоления «односторонней метафизики»;

- софиологические и иные системы философии всеединства, созданные русскими мыслителями конца XIX – первой половины XX вв.

Именно в этих философских системах мы обнаруживаем — в различных степенях развернутости — наиболее значимые признаки синкретического раскрытия идеи всеединства:

- в сфере онтологии — «трансрациональный синтез отдельности и взаимопроникновения» (С.Л. Франк). Само понятие всеединства изначально носит характер онтологической категории (начиная с античной платоновско-неоплатоновской традиции); христианство придает этой онтологической категории несколько иной смысл, увязывая проблему изначальности мироздания с вопрошанием о его исходе и о месте человека в мировом процессе. Если признать, что безначальным истоком мира является Единое – Бог, то

непосредственная, либо опосредованная причастность человека Первоединству обнаруживает себя в стремлении к обожению и как бы «просвечивает» его судьбу.

- в сфере гносеологии — «мистический рационализм» как утверждение интегрального гнозиса, который позволяет связать «умный мир» Единого и его ипостасей с человеческим миром благодаря мистическому восприятию, непосредственно-интуитивному переживанию этой взаимосвязи, сохраняющейся в виде памяти об исконной нераздельности Единого и единично-многообразного.

- устремленность теоретической мысли к некому высшему началу, которое может восприниматься в эстетических («умная красота» Плотина), этических («полнота христианской жизни» Вл.С. Соловьева), социальных (идея христианской политики С.Н. Булгакова) и других аспектах, создающих особый «полифонический строй» мышления (С.Л. Франк). В соответствии с основными характеристиками интуитивно-мистического познания, обретение человеком цельного знания-восприятия Единого-Истины, наделяющей окружающую реальность и собственное существование познающего неким универсальным смыслом, означает возможность кардинальной переориентации жизненной и духовной деятельности человека, рефлексирующего над своим местом и ролью в мировом процессе. Это может быть образ мудреца, отрешенного от суетного мира (Плотин, Ориген), но также и человечества как субъекта мировой истории (Вл.С. Соловьев).

- учение об особой сущности, опосредующей взаимосвязь абсолютного начала с мировым производным (материей, природой, космосом, сферой жизни) и обеспечивающей всеединство в его актуальном развертывании. Как правило, в этом качестве выступает Мировая Душа, София, бытие-возможность (понятие философской системы Николая Кузанского).

- построение теоретической системы рационально-логического типа на основании принципиальных интуиций, носящих мистический характер (вне зависимости от религиозно-конфессионального контекста).

Таким образом, синкретизм — это один из постоянно присутствующих в истории человеческой мысли методов созидания учения на основании соединения разнородных начал. По своей природе синкретическая мысль ближе всего ассоциируется с религиозно-философской сферой. Оценка синкретических идей и учений в истории философии представлена широким спектром значений — от утверждения «бесплодности», «некритичности» и «бессистемности» до признания в качестве метода органического культуротворческого синтеза.

Синкретизм как специфический метод конструирования теоретической системы существенным образом отличается от эклектизма, и в этом качестве его можно рассматривать как особую форму культурного синтеза. Синкретическое

творчество мысли в сфере религии, философии, искусства предполагает наличие высшего идеала цельности, полноты духовного и духовно-практического освоения реальности, а также веры в осмысленность синтезирования начал.

Философско-теоретический потенциал синкретизма наиболее полно разворачивается в истории мировой философии в форме философских учений всеединства, начиная с позднеантичного неоплатонизма через христианскую мистическую теологию (Ареопагитики, Эриугена, Экхарт) и пантеистическую философию Ренессанса (Николай Кузанский) к диалектическим системам новоевропейского рационализма (Лейбниц, Гегель). Завершением этой линии в философии всеединства являются учения русских философов конца XIX – первой половины XX века, следующих за софиологической метафизикой всеединства Вл.С. Соловьева.

Во второй главе «Синкретизм как принцип выстраивания метафизики в истории философии» производится анализ наиболее значимых исторических моделей синкретической философии всеединства, базирующейся на принципах неоплатонизма в истории европейской философии, начиная с периода позднего эллинизма.

В первом параграфе второй главы «Синкретическая метафизика неоплатонизма и ее роль в истории философии» философия античного неоплатонизма (III – VI вв.) рассматривается на примере учения основателя римской школы неоплатонизма Плотина (204/205 – 270). Обосновывается тезис о том, что синкретический характер неоплатонизма формируется не столько за счет слияния «западных» и «восточных» интеллектуально-культурных тенденций, сколько как сплав теоретико-методологических принципов разнообразных философских течений, имеющих при этом общие корни. Теоретические системы неоплатонизма, начиная с Плотина, строятся по единой схеме, в основе которой лежит принцип последовательного и всестороннего логико-теоретического раскрытия универсальной категории Единого. В этом обнаруживается фундаментальное свойство всех последующих философских систем всеединства — мистический рационализм как принципиальная методологическая установка. Этот же принцип прослеживается в общей гносеологической стратегии, в рамках которой познание понимается как восходящий процесс, охватывающий все уровни когнитивной активности — от телесно-чувственного восприятия до экстатического созерцания абсолюта, которое есть в то же самое время самораскрытие внутреннего духовного потенциала субъекта. Мистический рационализм здесь есть не просто соединение различных аспектов и уровней познания, а такой синтез, в котором каждый из элементов оказывается

бессмысленным без взаимодействия с прочими. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- неоплатоновская философия, впервые систематически выраженная Плотинем, представляет собой продукт синкретического творчества, что проявляется в ряде аспектов:

Содержательный аспект — синтез идей классических (платонизм, аристотелизм) и эллинистических философских школ (преимущественно, стоицизма, среднего платонизма и неопифагореизма);

Системный аспект — построение рационально-логической системы категорий, совокупно отражающих содержание мистической интуиции всеединства;

Методологический аспект — разработка синкретической теории познания, основанной на восхождении от чувственного уровня к мистическому созерцанию (экстазу) с возможностью сохранения богатства и полноты непосредственного восприятия действительности;

Интеркультурный аспект — проявление черт религиозно-философских традиций восточного типа, преимущественно, буддистско-индуистского рода. Однако, этот аспект не только является общим для многих течений философской мысли позднего эллинизма, но и, вероятно, сложился в результате косвенной или опосредованной рецепции соответствующих культурных элементов.

В итоге можно утверждать, что неоплатоновская философия всеединства в ее систематической форме стала своего рода архетипом, воспроизводящимся в тех или иных синкретических системах всеединства последующих культурных эпох. Критическое отношение к неоплатонизму в каждый отдельный исторический период во многом было связано со спецификой восприятия мистической философии, доминирующих на данный момент религиозных авторитетов и предубеждений и даже политической конъюнктуры. Однако интерес к ключевым идеям неоплатоновской философии, ее неоспоримое влияние на творчество представителей самых разных направлений сохранялся в той или иной степени на протяжении всей истории философской мысли.

Во втором параграфе «Синкретизм всеединства в философии Средних веков» прежде всего, рассматривается вопрос о взаимосвязи позднеантичного неоплатонизма и христианства как фундаментальной мировоззренческой позиции. Он решается на основании двух положений:

- неоплатоновская философия не является «истоком» или «предшествованием» христианского вероучения (хотя бы в силу хронологических факторов, поскольку неоплатонизм в своей ранней форме сформировался в период, когда история христианства уже насчитывала две сотни лет);

- определенное — и притом, весьма существенное, — воздействие неоплатоновских идей присутствует в философско-теологической традиции христианства; оно представлено, в основном, в системе теологических идей, т. е. в интеллектуальном компоненте христианского вероучения.

Указывается, что в христианской мысли еще до вовлечения неоплатоновских мотивов присутствовали собственные независимые от «эллинских учений» интуиции всеединства. Одна из них носила персоналистический характер, другая — социальный; при этом обе были не только принципиально мистическими, но и тесно взаимосвязанными. В первом случае речь идет об универсальном для христианской традиции образе Иисуса Христа как Богочеловека «в полноте человеческого и божественного». Второй вариант представлен учением о Церкви как вселенской общине истинно верующих и, в то же время, мистическом духовно-телесном единстве, являющим собой гипостазированный аналог человеческой личности. Обе интуиции всеединства, как показывается в исследовании, были относительно слабо выражены в аутентичном неоплатонизме.

Общим результатом в процессе соединения христианской веры (как исходного мистического содержания) с эллинистической философией (как приемлемой логической формы) стало формирование синкретического образования, которое можно обозначить как «христианский неоплатонизм». Важнейшим признаком этого процесса является универсализация, т. е. введение образов, идей, интуиций, имевших прежде частное значение в рамках обособленных христианских общин, в общий интеллектуально-культурный контекст, каковым был именно неоплатонизм. Предпочтительность последнего в качестве философско-теоретической базы христианской теологии определяется триадической (триипостасной) схематикой философского осмысления действительности, содержательная сторона которого представляется мистической, а формальная (системная) — рационалистической.

Далее обосновывается, что трансформация христианских идей из чисто религиозных в религиозно-философские учения с выраженными признаками системно-рационального мышления в логическом построении и обосновании самих идей, помимо «внутренней логики» развития, имела еще один принципиальный стимул — взаимодействие и противостояние различным «внехристианским» и «околохристианским» синкретическим течениям. Наиболее влиятельными из которых были герметизм, гностицизм и манихейство.

Особо выделяется роль Оригена (ок. 185 – ок. 254) как одного из первых христианских мыслителей, объединявших христианское вероучение с неоплатоновской философией, чьи положения предлагается трактовать как с

антропологической, так и с онтологической точек зрения. В первом случае ключевым концептом является Богочеловечество, во втором случае это — учение о воплощенном Логосе, который выступает как аналог неоплатоновского Ума. Если первый вариант открывает не только антропологическую, но и историософскую, этическую и даже эстетическую стороны христианской мистики всеединства, то второй вариант оказывается теоретической почвой для вечных колебаний этой линии в религиозной философии между миром чистых схем и абстракций и сферой интимно-эмоционального мистического переживания внутреннего тождества абсолюта и человеческой личности. Эти колебания во многих отношениях предопределили дальнейшее развитие учений всеединства в средневековый и ренессансный периоды.

Дальнейшее развитие христианского неоплатонизма рассматривается сквозь призму колебаний между универсализмом и персонализмом в контексте различного восприятия этой формы религиозно-философского мышления в западном и восточном христианстве.

Христианская мистика всеединства становилась и развивалась в контексте противоречивого взаимодействия с философией языческого неоплатонизма, а также с рядом синкретических религиозно-философских учений (гностицизм, манихейство и др.). Результатом этого взаимодействия стало формирование традиции христианского неоплатонизма, в рамках которого собственно христианские интуиции всеединства (христологические и эклезиялогические) получили выражение в системно-логических формах неоплатоновской философии. Это суть проявление методологического синкретизма (наряду с интеркультурным) как сочетания рационализированной схематики с мистическим содержанием и символическим выражением. Историческое развитие христианского неоплатонизма от периода патристики до эпохи Возрождения характеризуется волновыми колебаниями, т. е. смещением акцента в религиозно-философских системах с онтологического теоцентризма как проявления универсалистской ориентации к гносеологическому мистицизму как проявлению персоналистской ориентации.

Развитие и роль синкретических систем христианского неоплатонизма было различным в восточной и западной христианской традициях. В первом случае системы, сложившиеся в период патристики сохраняли свое центральное положение на протяжении всего периода Средневековья и были закреплены как каноническое теологическое учение Православной церкви в форме паламизма в XIV в. В западной христианской традиции эти системы постепенно были вытеснены схоластическими учениями, опиравшимися на аристотелизм. Но становление ренессансного гуманистического неоплатонизма в XIV – XV вв.

происходило под влиянием ознакомления церковных (Николай Кузанский) и светских (М. Фичино) интеллектуалов с философией языческих и христианских неоплатоников, привнесенной с православного Востока.

В третьем параграфе второй главы «Синкретизм всеединства в классической европейской философии» анализируются основные идейно-теоретические истоки синкретических философских систем неоплатоновского типа в европейской философии конца XVIII – первой половины XIX вв. (Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель). Особое внимание уделяется тому, что связь этих систем с неоплатонизмом не является очевидной в контексте доминирования рационализма, но присутствует как в основных идеях, так и в характере самих систем. На основе сравнительного анализа основных положений философских систем Плотина и Гегеля демонстрируется родство философских систем классического немецкого идеализма с неоплатонизмом. Это родство не столько генетического рода, сколько результат действия сходных установок и теоретико-методологических интенций, создающее системно-теоретический конструкт всеединства.

Классические философские системы немецкого идеализма, созданные Ф.В.Й. Шеллингом и Г.В.Ф. Гегелем, относятся к категории синкретических систем всеединства. Это обеспечивается как разнообразием идейно-теоретических истоков и влияний, связанных с философскими и теологическими учениями, относящимся к различным культурным парадигмам, так и неявным присутствием принципа мистического рационализма.

В центре этих теоретических систем находится диалектика самораскрывающегося Абсолюта, постигающего свое подлинное содержание и сущность через творчество, историческое созидание прогрессирующего мира. В этом отношении принципиальную роль играет интуитивное познание, позволяющее схватывать подвижное бытие в его целостности, которая в своих высших определениях разумна. Таким образом, онтологическая интуиция Абсолюта (Единого) раскрывается в системе интегрального (цельного) знания.

Наряду с признаками родства с неоплатоновскими идеями, учения Шеллинга и Гегеля характеризуются рядом существенных смысловых и ценностных различий. Если для Плотина высшее благо в его человеческом измерении есть экстатическое слияние с Единым при полной отрешенности от чувственного мира, то для немецких философов всеобщее благо есть разумная благоустроенность мира с центральным местом в нем человека.

В третьей главе «Синкретизм в отечественной религиозной философии всеединства» решается вопрос о преемственности европейской и русской ветвей

всеединства, для разрешения которого выявляются важнейшие истоки отечественной ветви и специфика восприятия ею предшествующей традиции.

В первом параграфе третьей главы «Истоки синкретизма в отечественной философии» рассматривается специфическая позиция русской школы всеединства, которая, с одной стороны, могла бы опираться на мощные религиозно-философские традиции православия, но, с другой стороны, формировалась под влиянием классической философской традиции.

Обосновывается, что основные источники отечественной философии всеединства фактически идентичны тем, что рассмотрены во 2-й главе исследования, либо они интерпретируются через призму классической и неклассической европейской философии. Поэтому особо выделяются антропософские мотивы, которые ранее подробно не рассматривались. Антропософия вводится и рассматривается здесь как в широком, так и в узком смыслах. В первом случае это — общее определение для религиозно-мистических учений о человеке, основанных на неоплатоновских идеях (Эриугена, Экхарт, Беме). Во втором случае это — популярный вариант нео-оккультизма, основанный в первой декаде XX в. Р. Штейнером.

В результате сопоставления антропософских доктрин того и другого рода делается вывод, что оккультная антропософия Р. Штейнера хотя и была вариантом синкретической мысли современности, но в то же время не имеет никаких глубинных связей с философией всеединства. Поэтому для различения этих моделей осмысления всеединства предлагается термин «антропо-софийный» применительно к отечественной ветви философии всеединства. С учётом выявленных сущностных мотивов этого течения мысли можно сказать, что антропо-софийность, воспринятая отечественными мыслителями есть не что иное, как «мудрость о человеке» или «мудрость человеческая». Символом этого служит образ Софии – Божественной мудрости, исхождение которой от универсальных сущностей к конкретной целостности человеческого становления указывает, что человек и есть цель всякой божественной мудрости, знания, смысла.

Во втором параграфе «Мистицизм как основа синкретической методологии в учении Вл. С. Соловьева» анализируется связь философской системы Вл.С. Соловьева с мировой традицией всеединства. Анализ этого соотношения предпринимается с опорой на собственные историко-философские воззрения Соловьева с учетом критического восприятия его учения различными отечественными мыслителями. Выявляется присутствие всех классических схем и концептов неоплатонизма в системе основателя русской философии всеединства.

В результате сопоставления онтологической концепции Соловьева и неоплатоновских схем выявляется их существенная близость в основных

логических построениях, носящих характер системно-теоретического выражения первичных интуиций всеединства непосредственно мистического содержания, что позволяет говорить о принципиальной синкретичности их учений. Важнейшим отличием данных вариантов синкретического синтеза является то, что для Плотина — это, прежде всего, возможность высказать то, что превосходит всякий рассудок и постигается только мистическим опытом, а для Соловьева — стремление обосновать глубинные связи между человеком и божественным миром, то есть переход в состояние «положительного всеединства».

Синкретические философские системы всеединства в отечественной философии строятся на принципах мистического рационализма, который определяет не только гносеологические концепции, но и выступает как методология системосозидания. Здесь влияние этого принципа представлено значительно более явно и многосторонне, нежели в учениях классической европейской философии (И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель), где он оставался в тени «одностороннего рационалистического умозрения».

Основными причинами этого отличия от универсалистских систем немецкого идеализма являются:

- во-первых, опора на религиозно-мистический опыт как христианской философско-теологической традиции, так и на опыт неортодоксальных и внеконфессиональных синкретических учений;

- во-вторых, направленность отечественной философии всеединства на синтез достижений классической и современной западной философии с проектом восстановления (или модернизации) христианской культуры.

Основные характеристики синкретической философии всеединства наиболее ярко представлены в учении Вл.С. Соловьева. Они выражены в систематической форме в концепции Абсолютно сущего и его взаимосвязи с производимым им «миром бытия», а также в концепции цельного знания как синтеза основных форм познания реальности при верховенстве «мистического начала». По этим параметрам философское учение Соловьева можно сблизить с теоретической системой Плотина. При этом речь идет не о прямом заимствовании данного опыта раскрытия всеединства, а о параллельности основных интенций теоретического мышления. Философские построения Плотина (как и других представителей неоплатонизма) воспринимались русским философом опосредованно, сквозь призму христианских религиозных убеждений и в соответствии с канонами классической европейской философии. Наиболее существенные отличия системы всеединства Соловьева от аналогичных учений античного образца вырастают из деятельной позиции мыслителя, его заинтересованности в формировании и развитии практических отраслей

философии на основе историософии, философии религии, социальной философии.

В третьем параграфе «Софиологические системы всеединства в русской философии» софиологические идеи в отечественной религиозной философии всеединства рассматриваются как фундамент этой теории в целом и как средоточие синкретизма. Показывается, что концепт-образ Софии — это не что иное, как объединяющее начало всей мистико-рационалистической системы, определяющее смысловое содержание понятия жизни (движения, развития, истории). Также указываются идейно-теоретические источники софиологии, независимые от классиков европейской философии (напр., Николай Кузанский). Выявляется, что в софиологии всеединства собственно теоретические устремления тесно переплетены с экзистенциально-личностными мотивами и неоднозначными коннотациями с архетипическими для религиозно-мистической традиции символами и концепциями.

На этих основаниях проводится историко-философский анализ и сравнение роли концепт-образа Софии в различных вариантах синкретической философии всеединства. Софиология в философии всеединства не является изобретением отечественной мысли (С.С. Хоружий). Но именно в русской философии всеединства она получила свое наиболее полное теоретическое воплощение и раскрытие. Наиболее существенная особенность софиологических построений русских философов предстает в принципиальной актуализации антропологических и историософских идей в контексте софийного миропонимания. София как религиозно-философский концепт представляет концентрированное выражение наиболее существенных теоретико-методологических интенций и положений классических (т. е. восходящих к неоплатоновской философии) теорий всеединства. Это, прежде всего, мистический рационализм как форма миропонимания, как системообразующий принцип и как инструмент выражения смысла. В русской софиологической ветви философии всеединства эта тематика нашла свое творческое завершение (по крайней мере, на данный момент).

В четвертом параграфе «Синкретическая персонология в русской философии всеединства» рассматривается, как один из наименее исследованных аспектов отечественной философии всеединства. Согласно устоявшимся воззрениям, философия всеединства представляет собой разновидность метафизики (т. е. универсалистски ориентированной теоретической системы). И в этом качестве вопросы антропологического характера решаются ею в чисто «имперсональном» (В.В. Зеньковский, В.А. Кувакин) варианте.

Но, синкретические учения стремятся интегрировать в себя все интеллектуальные достижения, примиря теорию и практику, науку и религию, рациональное и мистическое в познании. Для таких систем антропологические вопросы есть органичный результат развития метафизической картины реальности, т. е. они задаются онтологически. Эти проблемы нередко приобретают значение антроподискурса: формальная сторона (структура, способ изложения и методология) определяет содержание философских конструкций. Так идеал целостности, единства всех элементов мира необходимо включает в себя мир человеческий, что задает основные антропологические и персонологические характеристики.

В данном разделе исследуются два основных аспекта персонологии всеединства: во-первых, сама возможность «вписать» персоналистические идеи в контекст изначально универсалистски ориентированной метафизики; во-вторых, идеал «цельного человека», раскрытый с позиции андрогинизма.

В синкретических теориях представления о человеке, как правило, детерминированы системой специфического синтеза идей, задающей основные параметры антропологического мышления и его интегральную методологию. Многим учениям XX вв. присуща склонность к мистицизму в рассмотрении сущности человека как предельно мистифицированной и трансцендентной. Рациональный анализ или даже специфические научные построения нередко переходят в свою противоположность, как только встает вопрос об основаниях человеческого бытия (П. Тейяр Де Шарден, М. Шелер и др.).

Таким образом, в данном параграфе раскрывается внутренняя динамика в развитии идей всеединства в русской ветви этого философского движения. Она заключается в переносе теоретического акцента с «описания» всеединого человечества (Вл.С. Соловьев) на «понимание» дуальной сущности личности (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк).

Персонологические концепции в рамках русской философии всеединства конца XIX – первой половины XX вв. демонстрируют в наиболее концентрированной форме основные принципы и смысловые аспекты синкретизма этих систем. В том числе, принципы мистического рационализма, взаимоперехода логических и содержательных параметров на всех уровнях и во всех частях теоретической системы, идеал целостности (предстающий здесь как принцип андрогинности), тождество субъекта и объекта и др.

Разработка персонологических концепций в русской философии всеединства подтверждает тезис о переносе теоретических доминант, свойственных философской традиции всеединства в целом. Универсализм софиологического всеединства перетекает в персонализм; акцентирование

божественно-софийного истока человеческого бытия сменяется вниманием к трансцендирующему потенциалу самой личности в ее взаимосвязи с другими, социумом, культурой, природой, сверхсущим.

Существенное влияние идей и методов классической европейской философии в персонологии Л.П. Карсавина и С.Л. Франка дополняется творческим преломлением неклассических теоретико-методологических тенденций — феноменологии, персонализма, экзистенциализма. При этом фундаментальная основа, заложенная в учениях античного неоплатонизма сохраняется.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, описываются перспективы дальнейшей разработки темы.

На основании всего содержания исследования можно заключить следующее. Основанием синкретизма в философии служит стремление к всестороннему раскрытию универсальных интуиций; важнейший принцип — соединение компонентов различных культурных парадигм и отраслей культурно-интеллектуальной сферы; основной инструмент: соединение различных методологических стратегий для построения теоретической системы. В истории философии синкретизм проявляется, прежде всего, в религиозно-философских учениях мистико-рационалистического рода, причем соотношение религиозных и философских, интуитивно-мистических и рационально-логических компонентов такой системы варьируется в зависимости от общего социокультурного контекста.

Важнейшие теоретико-методологические интенции традиции всеединства нашли свое наиболее полное выражение в русской школе всеединства конца XIX – первой половины XX вв. Русская философия всеединства внесла в ее общий контекст множество тем, порожденных спецификой современности. Это темы культуры (идея синтеза дифференциальных сфер знания и творчества), общества (тема восстановления христианских идеалов социального устройства), исторического развития и смысла истории, личности как точки пересечения острых проблем и перспектив современности и т.д. На основании данных настоящего исследования можно сделать вывод, что синкретическая философия всеединства на основе мистико-рационалистической систематики неоплатонизма является одной из наиболее фундаментальных традиций во всей истории философии. Ее развитие было сопряжено с постоянным приростом предметно-проблемного поля и обновлением смыслового содержания наряду с воспроизводством основных форм системного раскрытия философских интуиций.

В качестве перспективных направлений для дальнейшей разработки темы можно выделить следующие: исследование опыта отечественной философии всеединства в плане гармоничного взаимодействия религиозных,

научно-философских, художественных и этических концептов всеединства; раскрытие специфического механизма воспроизводства и обновления синкретизма в философии всеединства, который можно определить как постоянный перенос ценностно-теоретических установок из сферы онтологии (универсалистская модель всеединства) в сферу антропологии (персоналистская модель всеединства). В перспективе предполагается расширить проблемное поле исследования философии всеединства посредством анализа ее места и значения в контексте парадигмальных различий философии Запада и Востока и опыта их взаимодействия.

**Основные положения диссертационного исследования изложены в
следующих публикациях**

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях,
определенных ВАК РФ:**

1. Гутова С.Г. Естественное право в системе всеединства Вл. С. Соловьева // Известия Уральского государственного Университета. Серия 3: Общественные науки. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. № 48. С. 153-163. 0,7 п.л
2. Гутова С.Г. Нравственный смысл философии в этической концепции В.С. Соловьёва // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, изд-во "Тамбов, Изд-во Грамота ". 2013. № 10-2 (36). С. 54-56. 0,4 п.л
3. Гутова С.Г. Вечность, время и судьба человека в философии Николая Бердяева // Дискуссия. 2014. № 3. С. 18-22. . 0,4 п.л
4. Гутова С.Г. О будущем отечественной духовной культуры // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 1096-1100. 0,45 п.л
5. Гутова С.Г. Историсофия Вл. Соловьева: Мистическое и рациональное в учении о Богочеловечестве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 17-24. 0,7 п.л
6. Гутова С.Г. Социализм, гуманизм и нравственное начало в философии В.С. Соловьева // Соловьёвские исследования, 2015. № 1. С. 60-71. 0,9 п.л
7. Гутова С.Г. Личность и мир в философии всеединства Л. П. Карсавина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия. Философия Социология Культурология. 2015. № 19 (374). С. 152-156. 0,5 п.л.
8. Гутова С.Г. Категория жизни как универсальный концепт философии всеединства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (65). С. 52-56. 0,5 п.л.
9. Гутова С.Г. Феномен духовности в философии Владимира Соловьева и его значение для современности // Ценности и смыслы. 2016. № 3 (43). С. 40-49. 0,8 п.л.
10. Gutova S.G. Mythologization of the concept of femininity in the russian philosophy and culture of the silver age // Revista de Letras UNESP. Бразилия, 2017. Rev. Let., São Paulo, v.56, n.1, p.167-183, Scopus and Web of Science. 1,25 п.л.
11. Гутова С.Г. Методологический синкретизм в научных и философских системах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. № 5. С. 123-132. 0,75 п.л

12. Гутова С.Г. Мифологический образ женственности в отечественной философии и культуре // Вестник развития науки и образования. 2017. № 7. С. 50-59. 1 п.л
13. Гутова С.Г. Сущность религии в концепциях Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби: методологические основания // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 613-621. 0,9 п.л.
14. Гутова С.Г. Синкретизм в западной философии: Гегель и Плотин // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. С. 9-12. 0,5 п.л.
15. Гутова С.Г. Методологический синкретизм в этической концепции В.С. Соловьёва» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 6А. С. 35-41. 0,5 п.л.
16. Гутова С.Г. Методологический синкретизм в философии всеединства Владимира Соловьёва и Плотина // История Философии. 2018. Т. 23, № 1. С. 67–81. 1,4 п.л

Монографии

17. Гутова С.Г. Владимир Соловьёв: синкретизм философии всеединства. Монография. Нижневартовск: Изд-во НГГУ. 2009. 166 с. (10,5)

Главы в коллективных монографиях:

18. Гутова С.Г. Антропософия Р. Штайнера. Философская антропология. Историко-философский анализ: колл. монография. Отв. ред. Р.А. Бурханов, К.Н. Любутин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. 244 с. (15,25 п.л.). Гл. № 11. С. 170 – 181. (1 п.л.)
19. Гутова С.Г. Антропологические мотивы в русской философии всеединства. Философская антропология. Историко-философский анализ: колл. монография. Отв. ред. Р.А. Бурханов, К.Н. Любутин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. 244 с. (15 п.л.). Гл. № 12. С. 181 – 195. (1 п.л.)
20. Гутова С.Г. Последний неоплатоник: между мистикой и рацией (Синкретизм в философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля). Немецкая философия второй половины XVIII – конца XIX веков: Коллективная монография / Отв. ред. Р.А. Бурханов, О.В. Никулина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1999. 244 с. (15,12 п.л.). Гл. № 5. С. 116 – 144. (0,9 п.л.)
21. Гутова С.Г. Андрогинность в синкретических философских системах: идеал совершенного человека. Проблемы антропологии и антропологии в философии: колл. Монография: Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Глава 2. С. 18 – 33. (0,8 п.л.)

22. Гутова С.Г. Андрогинность как идеал человека в философии всеединства. Образ человека будущего: кого и как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография \ Под ред. О.А. Базалука. Киев: Кондор, 2011. Т.1. Глава 6. 328 с. С. 113-124. (1,1 п.л.)

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах:

23. Гутова С.Г. Мистика в структуре цельного знания Вл. С. Соловьева // Вестник Нижневартковского гос. университета. 2008. № 2. С. 61-67. (0,5 п.л.)

24. Гутова С.Г., Емельянов Б.В. Жизнь как образ цельности в философии В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Философия жизни, этика. Философская антропология. Эстетика и литературная критика. Выпуск 18. 2008. 296 с. С.13-23.

25. Гутова С.Г. Основание метафизики всеединства Вл. Соловьева // Вестник Нижневартковского гос. университета. 2010. № 2. С. 11-18. (0,5 п.л.)

26. Гутова С.Г., Рогоза Н.В. Мифологизация образа женственности как основание русской культуры // Молодой ученый. 2010. № 3. С. 165-171. (0,4 п.л.)

27. Гутова С.Г. Концепция культуры в учении Ф. де Соссюра и У. Эко: сравнительный анализ // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5. № 10. С. 88-92. (0,5 п.л.)

28. Гутова С.Г. Метафизика всеединства: поиск идеала целостности бытия // Международный журнал. 2017. № 10 (64) Часть 1. 2017. С. 101-104. (0,8 п.л.)

Статьи и тезисы в сборниках научных трудов и докладов научно-практических конференций

29. Гутова С.Г. Мистический рационализм в философии Вл. Соловьева. Русская философия конца XIX – начала XX вв.: Сб. науч. статей. Отв. ред. Б.В. Емельянов. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 180 с. (11 п.л.). С. 28 – 40.

30. Гутова С.Г. Двойственность отчуждения в философии всеединства Вл. Соловьева Феномен отчуждения в различных культурных парадигмах: Тезисы Международной научно-теоретической конференции. Симферополь: Изд-во Симфероп. ун-та, 1993. С. 23 – 24.

31. Гутова С.Г. Антропософские мотивы в русской философской культуре конца XIX - начала XX вв. Философия и культура: Сб. науч. трудов. Отв. ред. Р. А. Бурханов, В. И. Полищук. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневартковск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1996. – 176 с. (10,94 п.л.). С. 89 – 99.

32. Гутова С.Г. Учение Льва Платоновича Карсавина о личности в контексте философии всеединства. Вопросы философии и истории философии:

Сб. науч. трудов / Отв. ред. О. В. Никулина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1999. С. 105 – 113

33. Гутова С.Г. Возрождение синкретизма как новая метафизика /XXI век: Будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса (Екатеринбург, 7 – 11 июня 1999 г.): В 4 т. Т. 1: Онтология, гносеология и методология науки, логика. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999. С. 45 – 46.

34. Гутова С.Г. Синкретизм как обновленная метафизика. Россия XXI века: Мировоззренческие аспекты: Материалы региональной научно-теоретической конференции докторантов, аспирантов и соискателей (Нижневартовск, 27 января 4 февраля 2000 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2000. С. 18 –19.

35. Гутова С.Г. Традиция всеединства: В. С. Соловьев и христианский мистицизм. В.С. Соловьев: жизнь, учение, традиции: Материалы Первой Всероссийской заочной научной конференции (Екатеринбург, январь – март 2000 г.) – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 42 – 44.

36. Гутова С.Г. Мировоззренческие принципы синкретической метафизики. Мировоззрение и культура: Материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2001 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 17 – 18.

37. Гутова С.Г. Исихазм как выражение синкретических мотивов русской философии. Человек в философско-правовом измерении (Четвертые Соколовские чтения): Материалы региональной научно-теоретической конференции (Екатеринбург – Нижневартовск, 05–06 октября 2001 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 107 – 109.

38. Гутова С.Г. Методологический синкретизм в системе научно-философского знания. Актуальные вопросы развития образования и науки: Материалы республиканской школы-семинара докторантов. (Нижневартовск, 21 – 23 октября 2002 г.) – Нижневартовск: Нижневарт. пед. ин-т, 2003. – С. 6 – 9.

39. Гутова С.Г. Концепция тела в философии В.С.Соловьева: от метафизики к феноменологии // Серия “Symposium”, Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва. Выпуск 32. Материалы международной конференции 14-15 февраля 2003 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.10-13.

40. Гутова С.Г. Синтез науки и религии: на пути к «цельному знанию». Наука и религия: проблемы современного гуманизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференция. (Нижневартовск, 22 апреля 2003 г.) – Нижневартовск: Изд-во «Приобье», 2003. – С. 82 – 86.

41. Гутова С.Г. Мировоззренческие основания синкретической антропологии / Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы I Международной научной конференции (Нижневартовск, 17 – 18 декабря 2003 г.) – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-т, 2003. С. 92 – 95.
42. Гутова С.Г. Понятие жизни в метафизике всеединства С. Н. Булгакова: философские истоки / Отечественная философия: история, проблемы, перспективы: Материалы Межрегиональной научной конференции (Нижневартовск, 2004 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. С.12 – 22.
43. Гутова С.Г. Метод синкретизма в метафизике Вл. Соловьева // Русская философия: история, проблемы, перспективы развития: Материалы региональной научно-теоретической конференции (Нижневартовск, 2 – 9 декабря 2003 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004 г. С. 41 – 43.
44. Гутова С.Г. Синкретизм в западной философии (Идея единого как блага у Гегеля и у Плотина) // Западная философия: история, проблемы, перспективы развития: Материалы региональной научно-теоретической конференции (Нижневартовск, 11 января 2005 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 49 – 56.
45. Гутова С.Г. Идеал совершенного человека в синкретических философских системах. Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24 – 28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 2. М.: Современные тетради, 2005. С. 228.
46. Гутова С.Г. Понятие жизни в метафизике всеединства С.Н. Булгакова: философские истоки. Отечественная философия: история, проблемы, перспективы: Материалы Межрегиональной научной конференции (Нижневартовск, 2004 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. С.12-22.
47. Гутова С.Г. Проблема целостной личности в синкретических учениях // Человек в современных философских концепциях. Материалы VI международной конференции. г. Волгоград, 28-31 мая 2007 г. В четырех томах Т. 3. С. 425 – 428.
48. Гутова С.Г. Принципы построения синкретической метафизики // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы II Международной научной конференции (Нижневартовск, 2-3 ноября 2007 г.) Нижневартовск: Нижневарт. пед. ин-т, 2007. С. 40 – 43.
49. Гутова С.Г. «Жизнь» как категория отечественной философии всеединства. Международный научный симпозиум «Время культурологии». г. Москва, 23-26 мая 2007 г. С.160-163.

50. Гутова С.Г. Смысл и значение жизни в метафизике всеединства // Проблема смысла в философии и культуре российского Серебряного века. Материалы международной научной конференции (15-17 мая 2008 года в г. Дрогобыч (Львовская обл.)). 2008. Вып. 14. С. 176-188.
51. Гутова С.Г. Поиск оснований человеческого бытия в философии всеединства Вл. Соловьева. Жизнь в измерениях Абсолюта как проблема философии и культуры русского серебряного века. Материалы Международной научной конференции (6-8 мая 2010 года в г. Дрогобыч. Львовская обл). 2010. Вып. 16. С. 176-188.
52. Гутова С.Г. Владимир Соловьев: исторический процесс и нравственное начало в человеческой природе / Научные труды SWorld. 2010. Т. 29. № 4. С. 71-75.
53. Гутова С.Г. Идея социализма в работе Владимира Соловьева «Чтения о богочеловечестве». Судьбы социального гуманизма: философия, политика, экономика. (VIII Марксовские чтения): материалы Международной научной конференции (г. Нижневартовск, 6 марта 2010 г.) / Отв.ред. З.Р. Жукоцкая. – Изд-во: "Нижневартовск: НГГУ", 2011 г. – 235 с. С. 75-80.
54. Гутова С.Г. Будущее России: национализм и мировая история (на примере отечественной религиозной философии) // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы международной научно-практической конференции. Ч.2./ Отв. редактор Наумов А.В. – Прага, Чешская Республика: DigiTisk Studio spol. s r.o., 2011. – 268 с. С. 160-166.
55. Гутова С.Г. Модель социализма и будущее России в учении Владимира Соловьева. Материалы международной научно-практической конференции 10th ESA conference social relations in turbulent times in Geneva Switzerland", 7 сентября 2011 г. - 11 сентября 2011 г. Изд-во: "Moscow-Geneva", 2011 г. 903 с.
56. Гутова С.Г. Русские религиозные философы о вечной жизни, воскрешении и спасении души. Материалы международной научно-практической конференции «Социология, политология, философия и история: тенденции развития в современном мире». (Россия, г. Новосибирск, 17 сентября 2012 г. С. 47-59.
57. Гутова С.Г. Духовная эволюция человека в философии всеединства Вл.Соловьева, 2011. В. 4. Т. 30. – Одесса: Черноморье. – 88с. // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Одесский национальный морской университет. 2011. С. 3-7.
58. Гутова С.Г. Русские философы о национальном вопросе в России. Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции. Часть III. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2012. С. 38-44.

59. Гугова С.Г. Рациональное и иррациональное в культуре и философии XIX - начала XX веков. Материалы V Международной научно-практической конференции: Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Нижневартовск. 2016. С. 332-337.

60. Гугова С.Г. Общественный идеал в философии Владимира Соловьева // Философия и ее роль в современном обществе: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции «Философия и ее роль в современном обществе» / под ред. Н.А. Красновой; НОО «Профессиональная наука». Новосибирск: Изд-во ИП Краснова Н.А., 2016. С. 5-9.

61. Gutova S.G. Traditions of spiritual culture in the works of V. Soloviev. International Research Conference on Economics, Arts and Sciences, Sweden, Uppsala. July 31th, 2017 С. 68-77.